

Н.С. Касюк, Ли Чэньфэй (Минск, БГУ)

ДИСКУРСИВНАЯ ОШИБКА КАК ИСТОЧНИК НЕУДАЧ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Многие проблемы в межкультурной коммуникации (далее — МКК) возникают по причине того, что ее участники не учитывают те аспекты в значении и употреблении языковых единиц, которые несут на себе отпечаток представлений, коннотаций, ассоциаций, связанных с национальным культурным сознанием. Так, распространены случаи, когда коммуниканту-инофону все слова были известны, однако общий смысл от него ускользнул, т.е. коммуникация формально состоялась, произошел обмен значениями, но смысл, стоящий за этими значениями был понят по-разному. Это и является одной из основных причин неудач в МКК [1, с. 109]. Подобные коммуникативные сбои Д.Б. Гудков называет «дискурсивными» ошибками (они также квалифицируются как социокультурные [см.: 2; 3]), которые провоцируются невладением инофоном системой значений той культуры, на языке которой ведется общение [4, с. 58; 72]. Такие ошибки воспринимаются более негативно, больше раздражают, нежели ошибки языковые, с трудом поддаются коррекции и профилактике, поскольку с точки зрения системы языка отклонения отсутствуют, однако использование единиц этой системы отличается от принятого у носителей данной лингвокультуры [1, с. 111; 4, с. 60].

Реальные коммуникативные неудачи сигнализируют о различиях в базе знаний коммуникантов. Выявление национально-детерминированной специфики русской языковой личности, изучение дискурсивных ошибок являются актуальными задачами лингводидактики и в целом межкультурного образования средствами языка.

В представленном докладе обозначим некоторые зоны возникновения коммуникативных неудач (области несовпадения и лакуны индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов) и факторы риска, возникающие в межкультурной коммуникации в ходе обучения инофонов русскому языку. Несмотря на то, что дискурсивные ошибки весьма разнообразны и не поддаются однозначной интерпретации, с целью удобства восприятия мы структурировали материал в 4 группы в соответствии с классификацией Д.Б. Гудкова, адаптированной нами (см. подробнее: [4, с. 72–81]). В качестве иллюстративного материала привлекаются только вербальные дискурсивные ошибки.

1. «Этикетные» ошибки обусловлены незнанием правил речевого этикета, социально-ролевых аспектов коммуникации, принятых в русскоязычном лингвокультурном сообществе. Данный тип представлен двумя группами ошибок, обусловленными *внешней* и *внутренней интерференцией*.

В первом случае этикетные нормы и правила коммуникативного взаимодействия из своей культуры переносятся в русскоязычную культуру, примером чего является некорректное использование местоимений *ты/Вы*; неоднократные приветствия в течение дня; сообщение подробностей, связанных со здоровьем, личной жизнью и т.п. преподавателю (и другому незнакомому человеку); специфическое выражение приветствия, благодарности: *спасибо Вам, спасибо много раз, очень спасибо* (по аналогии с англ. *thank you (very much)*), *здравствуйте от Я.С.* (приветствие в *e-mail*) и т.п.

Во втором случае инофон пытается оперировать знаками другого лингвокультурного сообщества, но пользуется ими неадекватно, например, знак, характерный для весьма ограниченной «зоны» общения, универсализируется, начинает восприниматься как характерный для всех коммуникативных ситуаций данной культуры [4, с. 64]. Следствием такого игнорирования социально-ролевой обусловленности является использование прагматических клише, свойственных неофициальному общению, в ситуации официального общения: «Привет!», «Как дела?», «Пока!», «Чао-какао!»; использование сленговой лексики в условиях официального общения: «Вы — *молоток!*» и др.; нехарактерное русскому речевому этикету обращение (например, обращение студента к преподавателю по фамилии, по должности).

2. «Стереотипные» ошибки.

а) Ошибки, вызванные *невладением русскими социокультурными стереотипами речевого общения*, что ведет к неверному использованию стереотипных речевых формул. Приведем несколько примеров.

1) В стереотипном вопросе «*У тебя есть подруга?*», обращенном белорусом к китайскому студенту, слово «подруга» интерпретировалось последним как «друг, товарищ женского пола», в результате чего он ответил: «Да, много». Белорусский студент был шокирован таким ответом, поскольку интересовался, есть ли у китайца любимая девушка.

2) Врач-китаец, обсуждая с белорусом статус профессии врача в родной и чужой стране, вопрос «*Сколько врачи получают?*» понял как обращенный к нему лично, тогда как белорусский коллега интересовался, сколько китайский врач зарабатывает вообще, а не его собеседник.

3) С точки зрения китайцев, странным представляется на вопрос: «*Как дела?*» отвечать «*Ничего.*». Представителями данной лингвокультуры такой ответ понимается как «все пустое», «ничего не происходит» (= «ничего хорошего»); для русской лингвокультуры такой ответ вполне привычен: «жизнь идет своим чередом», «все нормально».

б) Ошибки, вызванные *невладением ментальными стереотипами* (образами, актуализирующимися при употреблении той или иной единицы) *русского когнитивного сознания*, находящими отражение в речи на русском языке. Как показывает практика, при контакте представителей двух различных культур обнаруживается большое количество несовпадающих стереотипов, детерминированных особенностями национальной культуры коммуникантов. Проиллюстрируем эту подгруппу ошибок следующими примерами.

1) Описывая своего друга как глубоко положительного человека, китайский студент использовал прилагательные «*скромный*» и «*активный*». Носителям русскоязычной лингвокультуры данное утверждение кажется противоречивым, поскольку скромность исключает активность.

2) На занятии преподаватель характеризовал положительного художественного героя произведения как хитрого. На лице китайских студентов появилось изумление: «*Хитрый — значит коварный!*». В восточноазиатской культуре подобная характеристика не может быть употреблена в качестве позитивной и противоречит образу хорошего человека.

3) Такое отличительное восточнославянское качество, как *гостеприимство*, в глазах представительницы Южной Кореи не является безусловным достоинством, поэтому не оценивается высоко. Вопрос «*Вы гостеприимная хозяйка?*» показался странным и заслужил уместного, с ее точки зрения, ответа: «*Чуть-чуть*».

Наиболее наглядно подобный тип дискурсивных ошибок прослеживается при использовании метафор и других видов вторичной номинации, привычных для одного лингвокультурного сообщества, в речи представителей другого лингвокультурного сообщества [1, с. 111–112]. Например, различия в употреблении зооморфных характеристик человека, связанных со стереотипным представлением о качествах того или иного животного, могут вызывать непонимание или неверное понимание и вести к коммуникативным неудачам [4, с. 64]. Русский фразеологизм *подложить свинью* («готовить незаметно неприятность») китайские студенты интерпретировали как «обогащать, подарить деньги», т.к. *свинья* символизирует деньги, богатство.

Поскольку художественный текст — это образная система, где значение каждого языкового знака неисчерпаемо, то не удивительно, что его чтение и интерпретация также вызывают затруднения и провоцируют

коммуникативные неудачи. Пытаясь передать тот или иной смысл, писатель нередко использует нестандартные для данных коммуникативных условий средства. Приведем пример: «*Фея уложила дочку. Потом уложила мужа. Потом вынесла ведро. Потом вымыла посуду.*» (В. Токарева. Зигзаг). Учащиеся не смогли понять мотивацию, которой руководствовался автор, называя героиню *феей*. Знакомое слово никак не укладывалось в данный контекст («*Мы знаем, кто такая фея, но фея не варит макароны!*»). Причиной коммуникативных сбоев также стали метафоры: «*муж-тюфяк*», «*сын дороги*», «*тяжелый человек*», «*железный человек*» и т.п.). Учащиеся пытались трактовать их буквально, в результате чего приведенные выражения воспринимались как алогичные («*Мы понимаем каждое слово, но не понимаем смысла!*»).

3. «Энциклопедические» ошибки. Подобный тип ошибок представлен собственно энциклопедическими ошибками и ошибками лингвострановедческого характера.

а) Собственно энциклопедические ошибки обусловлены отсутствием интегрированных знаний из сокровищницы общечеловеческих и общекультурных ценностей [4, с. 77]: «*Беларусь — это часть России*»; «*Беларусь — это белая Русь*»; «*Великая Отечественная война — это Вторая Мировая война*». Энциклопедические ошибки обусловлены несоответствием приобретенных знаний о стране изучаемого языка их современному состоянию, использованием неаутентичных, примитивных источников информации о фактах культуры страны изучаемого языка, низким уровнем общего образования в области страны изучаемого языка [2, с. 144].

б) Лингвострановедческие ошибки обусловлены недостаточным объемом усвоенных фоновых знаний, фоновой и безэквивалентной лексики, которые являются общими практически для всех социализированных русскоговорящих: «*шалаш с мылом*» (с мылым рай в шалаше), «*субботник*» (человек, который работает по субботам), «*три лошади, запрягаемые в один экипаж*» (тройка), «*небогатый дворянин*» (шляхтич), «*хлеб с рыбой*» (бутерброд), «*бедная девушка в сказке*» (золушка), «*хлебный напиток*» (квас); «*ковёр, который может летать*» (ковер-самолет), «*суп с капустой*» (щи), «*жить в маленькой деревянной даче*» (об избе), «*люди танцуют вокруг костра*» (хоровод), «*ведьма в русской сказке*» (Баба Яга) и т.п.

4. Идеологические ошибки вызваны различиями в мировоззрении коммуникантов. Под национальной идеологией будем понимать некую систему социальных, этических, эстетических, политических и т.д. воззрений, являющихся базовыми и инвариантными для той или иной культуры [4, с. 80–81]. Причиной коммуникативных сбоев такого рода может стать перенесение идеологических норм своей культуры в другую культуру; отсутствие умений критического осмысления фактов и явлений инокультуры; стереотипность и отсутствие гибкости мышления; несформированность умений реализовать аналитический подход к корреляции фактов и

явлений родной и чужой культур [2, с. 144]. Следующие высказывания иллюстрируют недостаточное знание духовно-религиозного мира белорусов, некоторую предвзятость в оценке нравственного облика представителей белорусской культуры: «Если женщины курят, это хулиганки»; «Белорусы любят хлеб и картофель, сладкие и мучные блюда»; «Белорусы любят жареную картошку»; «Белорусы очень любят один соус — майонез»; «В Беларуси у каждого человека есть своя религиозная вера»; «Все белорусы любят водку»; «Белорусы любят опаздывать»; «Белорусы работают очень медленно»; «Мужчины в Беларуси любят тратить деньги на водку» и т.п.

Фольклористическим восприятием культуры страны изучаемого языка обусловлены следующие утверждения: «Белорусы любят носить национальную одежду»; «Народ Беларуси любит музыку и танцы» и т.п.

Нередко ошибочные представления иностранцев о Беларуси могут быть прямо противоположными. Приведем высказывания представителей КНР о столице Беларуси: «В Минске мало людей и машин, очень тихо; «В Китае много людей, поэтому во многих местах очень шумно, а здесь всегда очень тихо»; «Мало магазинов и парикмахерских». Таков Минск глазами туркмен: «В первые дни меня удивило, что здесь все в движении: все куда-то спешат, бегут: на зеленый сигнал светофора, за автобусом...»; «Меня удивило, что здесь много магазинов, больше, чем у нас, и много аптек».

Некоторые идеологические ошибки являются следствием различий в социокультурном восприятии мира, невладения иностранцами системой культурных норм и ценностей. Например: «Белорусы — **равнодушные** люди. По выражению лица никогда не понятно, что у вас на уме». Такой вывод представители китайской культуры делают на основании того, что у белорусов достаточно скупая мимика и они сдержанно выражают свои эмоции на публике. Кроме того, эта дискурсивная ошибка обусловлена недостаточным объемом усвоенной лексики: в данном контексте уместнее говорить не о *равнодушии*, а о *сдержанности* и/или некоторой *скрытности*.

Описанные дискурсивные ошибки демонстрируют несформированность или отсутствие социокультурной компетенции и, как следствие, компетенции коммуникативной. Одной из главных причин неудач в МКК является слабое владение одним из коммуникантов знаниями о культуре другого. К этим знаниям говорящий прямо или опосредованно постоянно обращается в своей речи, опирается на них при построении текста и ведении диалога, они отражаются и закрепляются в семантике языковых единиц, системе ценностей и норм культуры, задают правила вербального и невербального поведения речевой личности. Овладение основами культуры того лингвокультурного сообщества, на языке которого ведется общение, является необходимым и обязательным условием успешности этого общения, обеспечивает возможность для изучающего язык не только участвовать в МКК, но и пользоваться языком на уровне его носителей,

т.е. стать языковой личностью, умеющей организовать свое речевое поведение в соответствии с культурой его носителей [2, с. 139].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков, Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. Лекционный курс для студентов РКИ. — М., 2000.
2. Щукин, А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. — М., 2003.
3. Чумак, Л.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. — Минск, 2009.
4. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М., 2003.